

С. Н. Жеребцов

**Психология
переживаний личности
в динамике культуры**

Античность

Средневековье

Возрождение

Мозырь
«Содействие»
2013

Жеребцов, С. Н. Психология переживаний личности в динамике культуры : Античность, Средневековье, Возрождение / С. Н. Жеребцов. — Мозырь : Содействие, 2013. — 184 с. — ISBN 978-985-520-717-8.

В монографии обосновывается необходимость культурно-исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Культурно-исторический подход выступает не только адекватным гносеологическим основанием исследования переживаний, но и онтологическим требованием к человеку, который может сохранить свою человечность только как историческое и культурное существо. Признавая уникальность, приватность, интимность переживаний, фиксируются их социально-психологический генезис и социально-психологическая онтология. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения, динамика этих взглядов, их использование в современной психологии. Историческая специфика представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний каждой из эпох. Богатство и благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от её способности быть субъектом в культурном процессе.

Для психологов, философов, историков, культурологов, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами переживаний личности, их трансформации в социально-психологическом и социокультурном контексте.

Рекомендовано к изданию
решением заседания кафедры психологии
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
(протокол № 6 от 25 января 2013 г.)

Рекомендовано к изданию
решением заседания научного технического комитета
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский;
доктор психологических наук Г. В. Лосик

ISBN 978-985-520-717-8

© Жеребцов С. Н., 2013
© Оформление. ОДО «Образовательная
компания «Содействие», 2013

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории	17
1. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности	22
1.1. От Протагора — к Сократу	22
1.2. Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира	29
1.3. Аристотель: необходимость и целостность переживаний	33
1.4. Демокрит: переживания как регулятор поведения	40
1.5. Эпикурейство и стоицизм: две концепции управления переживаниями	41
1.6. Переживания в социокультурной ситуации античности	47
2. Средневековые переживания и представления о них	59
2.1. Христианство: феноменология переживаний	59
2.2. «Объективная взволнованность» Августина Блаженного	62
2.3. Экзистенциализм У. Оккама и индивидуализм Д. Скотта	68
2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний	71
2.5. Ф. Аквинский: личность как субъект переживаний	88
2.6. Культурно-психологическая динамика средневековья: от «домашней эпохи» к «губительному отрицанию жизни»	98
3. Переживания личности и развитие представлений о них в эпоху Возрождения	105
3.1. Ф. Петрарка: творчество и принцип суверенитета личности	105
3.2. Л. Валла: наслаждение как ценность	109
3.3. Комплексное описание жизни Леонардо да Винчи	109
3.4. Внутренний мир «благовоспитанного человека» по Б. Кастильоне	112
3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование	116
3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи к овладению переживаниями	119
3.7. Практическая философия жизни М. Монтеня	121
3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания	126
3.9. Переживание как игра и чудесное превращение	131
3.10. Переживание ренессансных противоречий: становление субъекта и реализация полноты бытия	134
Заключение: переживание как свидетельство жизни	144
Список литературы	173

научной, а научное пытается сделать участным, неотчужденным от жизненной ситуации человека, вооружающим его «техниками себя» как культурными технологиями управления собой, своей жизнью.

3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания

Капиталистические отношения ускорили темп жизни, возникало новое переживание времени. Если для средневекового человека из многих характеристик времени (длительность, направленность, ритмичность и т. д.) главной являлась ритмичность, т. к. природные ритмы, чередование времен года и т. д. распространялись и на человеческую жизнь, а сама жизнь соотносилась с вечностью божественного, то теперь возникает понятие «личного» времени [80], острее осознается конечность существования, более четко понимается временное пространство собственной жизни — жизненный путь. Приходит понимание, что жизнь не просто единична (единица в ряду других единиц, она подобна другим существованиям), но и единственна. Более ясное видение и переживание конечности жизни стимулировало размышления о смысле земного существования. Переживание жизни как конечного феномена, и в то же время как «моей», «мне принадлежащей», имеющей для меня ценность, с необходимостью требует поиска ее смысла. Тема смысла жизни распространяется и на рефлексию отдельных событий. Проблема жизненного пути представляла значимость и в древности (например, в буддизме восьмеричный путь определяется тремя взаимосвязанными факторами: правильное познание, правильное поведение, правильные чувства). Но, пожалуй, именно в эпоху Возрождения переживания для многих и многих людей приобретают такой широкий контекст и превращаются в работу по определению и корректировке смысла происходящего в контексте всей жизни индивида.

Новым в переживаниях человека эпохи Возрождения становится тема собственной значимости, личных достижений в жизни. Здесь мы наблюдаем, как тесно переплетены эстетическое совершенство и социальная значимость личности. «Бог создал мир, но как же этот мир прекрасен, как же много красоты в человеческой жизни и в человеческом теле, в живом выражении человеческого лица и в гармонии человеческого тела!» [96] Так человек вообще не может думать индивид, лишенный устремлений. Для Пико делла Мирандолла (1463—1494) в своей знаменитой «Речи о достоинстве человека» говорит о нем как о превосходящем не только другие существа, но и небесные духи, потому что человек есть не только бытие, но и становление. «Человек не есть нечто замкнутое и готовое, — он не завершен и открыт: это основная идея Пико делла Мирандолла» [18]. Принципиален не просто момент позиционирования

человека как творца собственного Я, но и то, что он есть существо превращающееся, он может стать чем угодно: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ твоих творений определен в пределах установленных нами законов, ты же, естественный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. (...) Я не сделаю тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь» [119]. В постоянном движении человек оказывается неисчерпаемым никаким формой наличного бытия в мире. И здесь важен момент не просто познания на бесконечность, но на то, что человек находится в постоянном процессе переоформления — переоформления мира, себя, образа жизни. Человек не должен забывать о своей способности к самостановлению, самопревращению, ведь он свободен. Природа человека не плана, а развёртывается освобождаящим себя усилием, она не дана, а достижима. Конечно, множественность форм и образов человека, помощью которых он себя превращает, предполагает признание паритета различных теорий человека. Неслучайно, поэтому, Пико пытается пропагандировать всеобщую философскую мудрость, в которую интегрировано и христианство.

Культурная спецификация переживаний, как отмечалось ранее, зависима от объекта переживаний, доминирующих в культуре ценностей, преобладающих способов их достижения, взаимодействия одних ценностей с другими. Такими объектами переживания (в ряду других), ценность которых в ходе истории постоянно трансформировалась, были работа и богатство (материальное благополучие). Существенное изменение эти ценности претерпели в связи с распространением учения Ж. Кальвина о предопределении. Человек не может повлиять на предначертанное ему свыше, но способен выяснить будущее, определить свою принадлежность к спасённым путём моральных усилий и добродетельной жизни: по делам нужно судить о вере, о её истинности. Руководствуясь такой логикой верующий пытался своим трудом в мирской жизни доказать свою избранность. Знаком милости Божией являлся успех в делах, в материальной обеспеченности, а бедность и неуспех стали знаком проклятия. Английский вариант кальвинизма (пуританизм) усилил эту тенденцию. Обогащение, накопительство обретают характер религиозно-этической миссии. По поводу этих перемен в аксиологической сфере общества позднего Возрождения М. Вебер впоследствии указывал, что глубоко религиозные натуры, прежде бежавшие спасаться в монастыри, теперь должны были выполнять все заповеди в миру [36]. Возникла новая система ценностей, а, соответственно, и мотивация поведения,

имеющая в своей основе ориентацию на индивидуальный труд, частную инициативу и личную ответственность. Рациональное ведение хозяйства, рациональный образ жизни приводят к абсолютизации рационализации как таковой, которая из сферы экономической технологии мигрирует в сферу психотехнологии — в сферу переживания, где означает вытеснение всего, к делу не относящегося — мифов, эмоций, предубеждений. Дело должно улучшаться, совершенствоваться. Меркантилизм — это идеология, возникшая не столько на теоретической основе, сколько на эмпирической. Бухгалтерский анализ выступает решающей процедурой рассудка капиталиста. Корни этой нововременной идеологии и связанных с нею социальных практик лежат в возрожденческом стремлении к лучшему человеку, ведомому по жизни знанием и расчётом. И если в Древней Греции политика конституировала логику и рассудительность, коммуникацию, основанную на доказательствах, то теперь локомотивом рациональности, пронизывающей все сферы общества и всего человека, выступает экономика.

Социально-экономической основой личных достижений и возвеличивания человека вообще становится городской образ жизни, городская культура. В некотором смысле можно говорить о возрождении полисного духа Древней Греции. Только — ещё раз на это укажем — если независимость и рациональность грека мотивировалась политической системой, то теперь приоритетными в становлении субъектности становятся экономические факторы. Именно в городах с их свободными мастерами и их собственными мастерскими зародилось представление о некоем абстрактном и идеальном человеке, ни от кого не зависящем и всегда свободомыслящем. От собственной мотивации, от собственных знаний и умений человека, от его Я-усилий теперь многое зависит. Чуждое средневековому сознанию стремление превзойти других (ведь при феодализме все предопределено, надо только мирно нести свой крест) теперь становится серьезным побудителем деятельности — мотивацией достижения. «Что до боинеи человека, может выделиться среди остальных?» — спрашивает Джованни Покано (цит по: [80]). Переживания связываются с деятельностью, с ее успехами и неудачами: человек ищет, планирует, действует, ошибается, пробует иное. В свернутом, интериоризованном виде такая активность образовывала внутреннюю деятельность, внутреннюю интимность. И это не просто отрешенность и погружение в себя, как у античных стоиков или монахов средневековья. Это — результат новой социально-экономической, идейной, этической, эстетической, религиозной ситуации. Протестантизм (исключая его фашистские проявления), отстаивающий только неформальные отношения с Богом и искренние религиозные переживания — тому яркое подтверждение. Как удачно выразился К. Маркс о М. Лютере — вожде протестантизма, — «он освободил человека от внешней религиозности, сделал

религиозность внутренним миром человека» (цит по: [96]). Необходимо указать здесь и на ещё один фактор культурно-исторического превращения переживаний. Речь идёт о том, что идентичность, субъектность личности выкристаллизовывается принадлежностью к всё более сложным социальным композициям, количество которых и в истории культуры, и на протяжении жизненного пути личности, как правило, возрастает. Развитие социальной сложности и связанное с этим применение средств взаимовлияния, трансформация социально-психологических механизмов, служили побудителями преобразования и механизмов, и функциональных органов, и ценностно-смыслового содержания переживаний.

Кумулятивное выражение уникального сочетания имеющихся в наличной культуре функциональных органов переживания являет собой проявление яркой индивидуальности, исторической личности, каковой являлся Лютер. Знаменитые слова С. Кьеркегора о том, что Лютер — это пациент исключительной важности для христианства, были подхвачены Э. Эриксном, который провёл историческое расследование того, как одаренный, но основательно озабоченный молодой человек XVI в. превратил свой комплекс в факт европейской цивилизации [172]. В работе показано, как комплекс переживаний конкретной личности может типизироваться и превращаться в культурный факт благодаря особым историческим условиям (социальным отношениям, артефактам). Как известно по причине чрезвычайной одаренности и выпавшей на его долю чрезвычайной тяжести переживания детских конфликтов Лютер раз за разом отказывается от институциональных идентичностей (студенческой, монашеской, бюргерской, профессорской). Центральной выбрана религиозная идентичность, стремление общаться с Богом без посредников. Подводя итог, Э. Эриксон указывает: «Я показал, как Лютер, некогда очень напуганный ребенок, открыл для себя через изучение Христовых страстей главный смысл Рождества Христова; и я также отметил... зависимость человека — и в любви, и в гнев — от его детства» [172, с. 452].

От религиозного содержания освобождается не только наука, в которой все определеннее заявляет о себе опытное знание, а также искусство и литература. Данте, Боккаччо, Петрарка отвергают мистику, алхимию, астрологию и используют выразительные средства художественной речи для отстаивания и пропаганды нового образа человека. Самое же существенное в эстетике Ренессанса — это такая личность, которая абсолютна не в своем надмировом существовании (как у античных неоплатоников), но в своей чисто человеческой осуществленности (ренессансный неоплатонизм). Изобразительное искусство фиксирует эту осуществленность: «Ренессанс впервые открыл на Западе весь драматизм жестикюляции и всю ее насыщенность внутренними переживаниями человеческой личности. Человеческое лицо уже давно перестало

быть отражением потусторонних идеалов, а стало упоительной и бесконечно усладительной сферой личностных выражений со всей бесконечной гаммой всякого рода чувств, настроений и состояний» [96]. Если средневековье не знало портрета, то ренессансное время явило собой взрыв портретного и в целом живописного искусства, причем с особой техникой «линейной перспективы», которая олицетворяла новое миро- и человековосприятие, а также изменившее способ организации внутреннего опыта: «Время Джотто, Леонардо, Рафаэля известно современному человеку почти исключительно своими картинами, а для специалиста-искусствоведа оно олицетворяется словами «линейная перспектива». Переоткрытие живописной техники изображения с центральной проекцией (известной в древности, но потесненной в средние века обратной, многоцентральной проекцией) произвело в психологии европейцев переворот, сравнимый с внедрением силлогистической логики в их мышление в античности. Прямое перспективное структурирование пространства, присутствующее в любом человеческом восприятии, европейская цивилизация обобщила, довела до визуального формализма и сделала культурной нормой, как правильное и рациональное рассуждение, самоанализ и самоконтроль, личную гигиену и т. д. Линейная перспектива — стержень антропоцентрической картины мира и визуального склада европейского опыта» [166, с. 433].

Субъектность и интегрированная с нею субъективность происходят в новоевропейском понимании именно с обнаружением и тиражированием визуальной перспективы. «Реализованная перспектива», пишет швейцарский историк культуры Ж. Гебзер, — означает открытие, а также осознание пространства, напротив, еще не реализованная перспектива — что пространство в человеке спит или человек в пространстве спит... Отсутствие пространственного сознания предвещает отсутствие сознания «я», в то время как при объективации пространства при определении себя самосознающее «я» нуждается в противопоставлении пространству и, отделяя его от души, может уравниваться с ней» (цит. по: [166, с. 343—344]). По основанию «перспективное видение» Ж. Гебзер вычленяет три эпохи в становлении европейской психики: доперспективную, перспективную и аперспективную. Психика до перспективы одномерна (в магии) или двумерна (в мифе). Человек и ситуация синкретичны, он сливается со своим Я с витальной энергией ритуальной группы или вербальным образом повествования, его мир конечен и замкнут, поскольку абсолютно неограничен неограничен рассекающей понятийной рациональностью. Перспективное же восприятие помещено в бесконечное пространство. Его носитель знает, что видит он только небольшой фрагмент мироздания. Аперспективная психика — это некая мутация, заключающаяся в слиянии времени-пространства, которая в связи с развитием техники, информационных технологий, соответствующего искусства станет

возможной, позволяющей четырёхмерным видением фиксировать развитие любого объекта. В этом и во многих других отношениях указание Ж. Гебзера чрезвычайно пронизательно. Но перспективное видение в отрыве от возникновения особого свойства социальных отношений, в первых, не может появиться, во-вторых, рождение Я — также многофакторный процесс, в котором и противоречивость социальной жизни, когда себя человек отделяет от любой социальной функции, и силлогистическая, понятийная рациональность, и текстовое устройство субъективности, и линейное восприятие времени, и разделение реальности и вымысла выступают системой индивидуализации человека, утверждения его Я. К примеру, интерес может представлять отношение доперспективной, перспективной и аперспективной эпох к дописьменным, письменным и постписьменным типам организации субъективности.

3.9. Переживание как игра и чувственное приращение

Духовный подъем на рубеже XV—XVI веков с его великими открытиями, с возрождением наук и искусств — это, по словам С. Цвейга, «коллективное, счастливое переживание», общее для всей Европы [160, с. 163]. Очень многие, причём представлявшие различные социальные слои, стремились приобщиться к царству культуры, образованности: «...короли и папы, князья и священники, художники и государственные мужи, юноши и женщины спешили овладеть искусствами и науками...» [160, с. 163]. Наряду с церковной и светской властью теперь почитается власть знаний и таланта. «Реформированное христианство, сорвав со стен храмов иконы и украшения, дает каждому Библию и заставляет читать. Этого бы не случилось без помощи печатного станка, впервые в истории христианства сделавшего Библию книгой для чтения. Продукция типографий отличается от изукрашенных рукописных сводов строгим и правильным порядком одинаковых строк. Она дисциплинирует ум» [166, с. 301].

Э. Роттердамский (1469—1536) — один самых влиятельных и популярных просветителей той поры — полагал, что образование, а не принадлежность к высшему обществу делает человеческую жизнь достойной человека. Необразованного человека он ставит даже ниже животного, т. к. оно живет в согласии со своей природой, а необразованный человек живет, не понимая, что он должен делать и в чем состоит его назначение. Философия как фундаментальная и общая дисциплина должна присутствовать во всей жизни человека и вести его по жизни [134]. В данных установках можно уловить, во-первых, приближение к экзистенциальной проблематике (назначение жизни и распоряжение своей жизнью), а, во-вторых, фиксацию роли образования (культурных инструментов) в управлении жизнью. Конечно, сущность и механизмы данного управления